

О стиле юношеского дневника архимандрита Антонина (Капустина)

© Е.В. НИКОЛАЕВА,
доктор филологических наук

Статья посвящена юношескому дневнику архимандрита Антонина (Капустина), который он вел во время обучения в Киевской духовной академии. В центре внимания в статье — индивидуальные особенности авторского стиля Антонина. Особенности стиля — один из жанрообразующих факторов дневника как жанра мемуарной литературы.

Ключевые слова: Архимандрит Антонин (Капустин), юношеский дневник, индивидуальный стиль, мемуарная литература.

DOI: 10.31857/S013161170003013-3

The article is devoted to youth diary of Archimandrite Antonin (Kapustin), which he kept during his training of the Kiev theological Academy. The focus in the article — the individual characteristics of the author's style Antonina. The

peculiarities of style — one of the factors as a genre of the diary as a genre of memoirs.

Keywords: Archimandrite Antonin (Kapustin), individual style, memoirs, as a genre factor.

Имя архимандрита Антонина (Андрей Иванович Капустин; 1817—1894) часто вспоминается в публикациях и докладах на научных конференциях последних лет в связи с 200-летием со дня его рождения и 170-летием Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Будущий архимандрит Антонин родился и воспитывался в Пермской губернии в семье священника. Он учился последовательно в Далматовском духовном училище, Пермской, потом Екатеринославской духовной семинарии и с 1839 года в Киевской духовной академии, которую он окончил магистром и был оставлен для преподавания немецкого и греческого языков. В 1845 году Андрей Капустин принял монашество, а в 1853 — возведен в сан архимандрита.

В 1865 году архимандрит Антонин встал во главе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. На протяжении всей жизни архимандрита Антонина отличали яркая одаренность и разносторонние интересы ученого-византолога, историка, археолога.

Юношеский дневник архимандрита Антонина (Капустина) относится ко времени его обучения в Киевской духовной академии.

Дневники наряду с другими жанрами так называемой его-литературы в последние десятилетия — объект повышенного внимания не только читателей, но и исследователей. К жанрам мемуарной литературы относятся, как известно, собственно мемуары, ориентированные в основном на прочтение посторонними людьми, дневники, содержащие датированные подневные записи, наконец, записки, жанр наиболее личный и, как правило, предназначенный в лучшем случае для узкого круга лиц. Это самый свободный по содержанию и форме жанр. Как известно, возможны и другие формы мемуарной литературы, например, автобиографии, описание путешествий, воспоминания, заключенные в эпистолярную форму, как записки Андрея Тимофеевича Болотова. Еще Н.Д. Чечулин замечал, что «без исключения все мемуары дают нам интереснейший материал для наблюдения над умственным складом и развитием современного автору общества» [1].

Можно констатировать, что мемуарная литература во всех ее разновидностях до сего дня представляет собой одно из самых неустойчивых и свободных жанровых образований. Эволюция мемуарной литературы шла путем сближения с общим литературным процессом, путем преодоления различных условностей к наиболее свободной и раскованной форме выражения. Ведущим в этом движении было постепенное становление авторского «я», отражавшего процессы формирования личности,

характерные для разных периодов истории русской культуры. Скорее всего, именно личностное начало является той точкой отсчета, которая формирует жанрообразующие признаки мемуарной литературы. Так, например, И.О. Шайтанов в работе, посвященной писательским мемуарам, отмечает, что вряд ли можно говорить о каких-то формальных законах в мемуаристике, особенно писательской, где все зависит от того, «как вспомнилось», а не «как было» [2].

И все-таки для исследователей остается вопрос о том, насколько точно можно разграничить, следовательно, и определить признаки различных жанров мемуарной литературы. В этом плане дневник представляется практически самым точно очерченным и «конкретным» жанровым образованием. При этом именно в дневнике наиболее отчетливо проявляются личностные особенности его автора, стиль его речи, так как дневники обычно не предназначались ни для печати, ни для чтения посторонними.

В контексте всего сказанного представляется небезынтересным присмотреться к юношескому дневнику будущего архимандрита Антонина, попытаться выделить те из особенностей этого текста, которые можно было бы рассматривать как особенности его стиля и его жанрообразующие факторы.

Архимандрит Антонин неукоснительно соблюдает главный жанрообразующий признак дневника: он датирует каждую свою запись. Помимо календарной даты он часто особо указывает время года, сопровождая это указанием его характеристикой («1839 год. Месяц декабрь. Зима, да притом еще и Киевская») [3]. Для дневника Антонина характерна особенность, практически всегда встречающаяся в записках, дневниках и мемуарах глубоко верующих и духовных лиц: помимо астрономических дат там всегда присутствует отсчет времени по церковному календарю, причем это не формальная отметка, а глубоко переживаемое ощущение времени. Эта черта отличает и дневник Антонина. Он обозначает не только Страстную неделю, Пасху, Сочельник, Чистый четверг, память Святителя Николая или Святой Великомученицы Варвары, но и «Маслянку ширококорую».

На масленицу в 1841 году (в четверг 6 февраля) дневниковая запись сохраняет не только свидетельство ежедневных трудов, но и радостно-шаловливое настроение автора: «Маслянка. Ученья нет. На место его явились блины. О, радость! Целый день переписывал 7-ю тетрадь *des Naturrechtes*, а в междуделии и междубезделии играл в вист. А ночью, кажется, был в Батурине в огромном новом доме и как будто в городе. Притом здесь в Киеве и проч.». Записи в дневнике довольно часто отмечены своеобразной «игрой» с языком, как, например, запись от 2 января 1840 года: «В полном смысле блаженствовал целый день! Именно же: встал препоздно, пил чай предолго, читал библиотеку ли что ли презадорно, обедал предолго. Прежарко парился в бане. Пресладко, отдыхал премило, не пил чай преаппетитно, вечеровал прелеливо, ужинал препосредственно, и заснул прекрасно!»

Иногда датировка в дневнике отличается иронией: «Новый год 1841: от Сотворения мира — 6349, от бегства Магомета — 1257, бытия же моего — 24-й».

Время в дневнике Антонина как бы расслаивается: это не только время текущее, но и воспоминания, которые приходят периодически. Главным образом, это воспоминание о родителях и доме, иногда о Далматовском духовном училище.

Особый пласт повествования в дневнике Антонина — описание его сновидений. Уже в начале дневника он пишет: «Надобно заметить, что я каждую ночь вижу хорошие сны, но забываю их» (запись от 7 декабря 1839 года). В некоторых снах воспоминания и тоска по дому соединяются: «Спал весьма долго и видел многоразличные грезы. Между прочим в именины Маменьки, которая вместе с Платоном находилась в Киеве, и жили в разных местах. Пошел к ней и нашел ее в какой-то домово́й церкви, стоящую у обедни с ней и я стал, и когда один студент начал обижать ее, то я дал ему славную таску, что весьма тронуло Маменьку, что она заплакала, а я пробудился. И так мы с ней не поздоровались и даже не взглянулись!»

Иной раз содержание сна совсем иное: «Давече ночью нам покупали шляпы. И некоторые стояли уже в классе в шляпах и шапках поповских. Я покупал и только успел примерить, как пробудился». В описанном за 16 декабря 1839 года сне вновь переплетаются воспоминания о близких с воспоминаниями о Екатеринославской духовной семинарии и некоторыми бытовыми подробностями, придающими всему юмористическую окраску. Одним словом, по меткому замечанию автора дневника: «Спал до свету, и видел во сне много всякой всячины».

Главным содержанием дневника архимандрита Антонина является все же описание постоянных и неустанных трудов, занятий, хотя иногда и тут встречаются живые упоминания молодых проказ («Подал свою окаянную задачу, надув профессора»; «После обеда Чех вытащил меня к доске, и я такую отлил тут пулю, что до сих пор стыдно. Я не успел рта растворить как уже торжественно возвращен был восвояси. Оле моего окаянства»).

Во время Великого поста 1841 года в марте — записи почти ежедневные: отмечены систематические усердные труды. Обычные развлечения и отвлечения от них забыты. Видно, что в это время дневник оказывается вполне способным хоть немного поддержать молодой оптимизм и веселость автора. На понедельник 17 марта приходился день памяти Алексея, человека Божия, хорошо известного у нас святого не только по его житию, но и по духовному стиху о нем. В этот день в семинарской теплой церкви был престольный праздник. Упомянув о службе, Антонин переходит к делам житейским, сетует на то, что везде уже тепло, а «здесь все так холодно, хоть снегу и мало уже. Так как была баня сегодня, то на немецком сидело только 4 человека и Вечером трохи /..?../ (Неразборчиво. — *Е.Н.*) задачу, да и лечь спаты, бо послы баны довго не сыдыться и очи того и бачь, ща ось ось [слипнуцу]. Нехай же спат ему». Думается, что в данном случае переход на другой язык в конце записи

придает ей не только шуточный тон, но и отражает состояние ленивой усталости, обуявшей автора в конце дня.

Этот же шуточный тон отличает и запись от 20 марта. На это число пришелся четверг Страстной Седмицы, отмеченный большой уборкой перед Пасхой: «Часу с 7-го номером завладели Амазонки-бабы, и до самого обеда мыли наши нечистоты! Ужасный день! Сколько бедных жертв погибло под злодейскою рукою мытниц!»

Отличительной особенностью дневника архимандрита Антонина стали поэтические эпиграфы. Весна 1842 года буквально «расцвечена» этими эпиграфами. Так марту предпослана цитата из Третьяковского:

И нет уж больше снегу,
И снова дождь и грязь. Тепло.
Все в тело вносит негу;
И на душе легко, светло.

Апрель открывается сочинением Кантемира:

Что-то, месяц молодой
Принесешь ты нам с собой?
Горе ль? Счастье ль? Зло? Добро?
Пыли горсть иль серебро?
Муки ль яд, или любви
Нектар дашь ты мне? «Oui!
Nectar? Nectar!» Ах, на мель
Сядем мы с тобой, Апрель!

Маю и июню предпосланы сочинения самого Антонина:

Вот вам, детушки, и май,
Веселись теперь, играй,
Да урок не забывай.

В июне рекреация,
Зеленые святки, говенье,
Ексамен, затмение,
Ваканция.

Склонность к литературному (и особенно поэтическому) творчеству была у архимандрита Антонина поистине семейной чертой, о чем он сам писал и оставил свидетельство тому в тетради с названием «Грехи молодости»:

Стихотворства злое семя
Всё капустинское племя
Заразило с давних лет...

Подводя итог нашим наблюдениям, можно отметить, что в дневнике архимандрита Антонина Капустина соединились типичные особенности,

характерные для этого жанра, с индивидуальными особенностями стиля автора, позволившими ему создать довольно сложную «многослойную» структуру, направленную на наиболее полное раскрытие его личности, в полной мере проявить особенности своего языка. Важной отличительной чертой этого документального памятника являются также явные признаки жизнелюбия, юмора и молодости его автора.

Литература

1. Чечулин Н.Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб., 1891. С. 12.
2. Шайтанов И.О. «Как было и как вспомнилось». Современная автобиографическая и мемуарная проза // Знание (Серия «Литература»). 1981. № 7.
3. Все цитаты из юношеского дневника архимандрита Антонина приводятся по рукописи, хранящейся в Российском Государственном Историческом Архиве в Санкт-Петербурге (РГИА). Расшифровка рукописи подготовлена проф. М.И. Шербаковой.

Московский педагогический государственный университет

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ.
Грант № 17-04-00233а.